

С. Машинский

О великой поэме Гоголя Жанровые особенности

Повествование в «Мертвых душах» то и дело прерывается взволнованными лирическими монологами автора, оценивающего поведение героя или размышляющего о жизни, об искусстве. Наибольшего напряжения достигает лирический голос автора на тех страницах, которые непосредственно посвящены Родине, России, ее будущему. Будущее России никогда еще с такой страстной силой не вторгалось в изображение крепостнической действительности. Впервые в русской литературе будущее становилось судьей настоящего.

Лирические монологи Гоголя — примечательное явление и с точки зрения художественной. В них угадываются завязи нового литературного стиля, который позднее обретет яркую жизнь в прозе Тургенева и особенно в творчестве Чехова.

В сознании писателя далеко не сразу определились жанровые особенности «Мертвых душ». Сложный и оригинальный замысел требовал для своего воплощения и соответственных художественных решений. Привычные жанровые схемы казались Гоголю неподходящими. Надо было совершенно по-новому завязывать сюжет и композиционно его разворачивать.

На начальном этапе работы Гоголь назвал свое новое произведение романом. Характерно замечание Гоголя в письме к Пушкину: «Сюжет растянулся на предлинный роман». Это слово «роман» мелькает еще несколько раз в гоголевских письмах. Одновременно в письмах начинает проскальзывать и другое слово — «поэма». Например, 12 ноября 1836 года он сообщает Жуковскому из Парижа о том, как идет работа на новом произведением:

«Каждое утро, в прибавление к завтраку, вписывал я по три страницы в мою поэму...»

Гоголю все еще неясно, в какую жанровую форму выльется его художественный замысел. 28 ноября того же 1836 года он пишет Погодину:

«Вещь, над которой сижу и тружусь теперь, и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей “Мертвые души” — вот все, что ты должен покамест узнать о ней».

Однако впоследствии Гоголь все более убежденно склонялся к мысли, что его новое произведение — поэма. Но поэма не в традиционном, а в каком-то особом значении слова.

Такое необычное определение прозаического произведения Гоголь несколько позднее теоретически обосновал в набросках к «Учебной книге словесности для русского юношества».

Рассматривая в них поэзию повествовательную, Гоголь выделяет в ней несколько видов в зависимости от широты охвата жизненных явлений. «Величайшим, полнейшим, огромнейшим и многостороннейшим из всех созданий» Гоголь называет эпопею, являющуюся достоянием древнего мира и наиболее совершенно выразившуюся в «Илиаде» и «Одиссее». Характерная особенность эпопеи в том, что в ней отражается целая историческая эпоха, жизнь народа и даже всего человечества.

Существенное отличие от эпопеи представляет собой роман. Гоголь называет этот тип сочинений «слишком условленным», то есть условным. Предмет романа — не вся жизнь, но лишь «замечательное происшествие в жизни». Главное внимание здесь должно быть сосредоточено на изображении характеров, и Гоголь подчеркивает:

«Судьбою всякого из них озабочен автор», «Всяк приход лица, вначале, по-видимому, не значительный, уже возвещает о его участии потом».

Но основное внимание романиста должно быть сосредоточено на центральном герое:

«Все, что ни является, является потому только, что связано слишком с судьбой самого героя».

Рамки романа, по мнению Гоголя, чересчур тесны для «Мертвых душ» и, во всяком случае, не соответствуют той художественной задаче, которую он перед собой ставил.

Помимо двух важнейших видов повествовательной литературы — эпопеи и романа, Гоголь выделяет еще один, ни в одной современной ему теории словесности не обозначенный, — «меньший род эпопеи». Этот жанр повествовательной литературы составляет «как бы середину между романом и эпопеей», а его приметы непосредственным образом относятся к «Мертвым душам».

Уступая большой эпопее в широте и всеобщности изображения действительности, малая эпопея, однако, превосходит в этом отношении роман. Малая эпопея лишена «всемирности» содержания, присущей ее старшему собрату, но зато она включает в себя «полный эпический объем замечательных частных явлений», Своеобразен этот литературный жанр и характером своего героя. Большая эпопея избирает себе героем «лицо значительное», в центре малой эпопеи — «частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой». И Гоголь замечает далее:

«Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего замечательного в чертах и нравах взятого им времени».

Итак, приметы малой эпопеи — изображение душевного мира частного лица, рассказ о его приключениях, дающих возможность раскрыть картину нравов времени, и, наконец, еще одна примета: умение писателя нарисовать «статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе». Это последнее замечание особенно существенно, так как подчеркивает обличительную направленность «меньшего рода эпопеи».

Совершенно очевидно, что большинство признаков малой эпопеи вполне совпадает с нашим представлением о «Мертвых душах». Можно вполне достоверно предположить, что вся обобщающая характеристика этого жанра в значительной мере основывалась у Гоголя на анализе его собственного сочинения. Имея в виду произведения, относящиеся к жанру малой эпопеи, автор «Учебной книги словесности» разъясняет:

«Многие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим».

Все это также целиком относится и к «Мертвым душам».

Задумав поначалу «Мертвые души» как роман, Гоголь впоследствии пришел к выводу, что это произведение принципиально отличается от традиционной формы «приключенческого» романа. Отсюда колебания автора в определении жанра «Мертвых душ». Наиболее важные приметы, открытые Гоголем в «малом виде эпопеи», в сущности, характеризуют новый тип романа, формировавшегося в русской литературе, — социально-психологический роман, в развитии которого «Мертвые души» сыграли выдающуюся роль.

«Мертвые души» явились не только сатирой на Россию Чичиковых и Собакевичей, но и лирической поэмой о России — родине великого народа.

Слово «поэма», обозначенное на титуле книги, должно было не только подчеркнуть особую значимость этой второй темы. Оно раздвигало границы сюжета, придавало повествованию широкую историческую перспективу и вместе с тем освобождало все произведение от привычных для современников писателя ассоциаций с «плутовским», приключенческим романом и свойственных ему условностей.

Готовя «Мертвые души» к изданию, Гоголь нарисовал обложку для своей будущей книги. Слово «поэма» выделено самыми крупными буквами и окаймлено головами двух богатырей. Это был как бы подзаголовок, имевший своей целью помочь читателю правильно понять истинный характер произведения, его лирическую основу. Весь рисунок знаменитой обложки — бричка Чичикова, бутылки, бокалы, танцующая пара и вьющиеся вокруг причудливые завитки с зловещими черепами, — весь этот рисунок сделан черным по светло-желтому. И лишь слово «поэма» нарисовано белым по черному.

Обложка хорошо раскрывала основную мысль Гоголя. Черной силе «мертвых душ» противостояло светлое, жизнеутверждающее начало — мечта о счастливой России и свободном русском человеке. Гоголь писал:

«Широкие черты человека величаво носят и слышатся по всей русской земле».

Такова поэтическая тема «Мертвых душ». Она была для писателя самой заветной, ей отдал он всю лирическую силу своего таланта, ибо с ней была связана мечта о положительном герое. Эта тема и заключала в себе «живую душу» великой поэмы. Демократическая критика пятидесятих–шестидесятих годов недаром высказывала убеждение, что лирическая стихия «Мертвых душ» открывает какие-то новые, еще неведомые дали в развитии русской прозы.